

*И каждый читатель как тайна,
Как в землю закопанный клад...
Анна Ахматова*

Есть люди с превосходным слухом, которым внятны еле уловимые шорохи и шелесты, — однако они чужды музыкальной восприимчивости. Иногда они даже петь умеют, даже танцевать любят. Но симфония Бетховена или фортепьянный концерт Рахманинова навевает на них неодолимую скуку. Почему так — вопрос особый. Пытаться им растолковать музыку — безнадежно. То, чего они не слышат, они, скорее всего, и не услышат, сколько им ни объясняй, что такое контрапункт или каковы законы классической гармонии. Воспитать в них музыкальность, конечно, можно, но это дело долгое и трудное.

Есть люди с отличным зрением: они без всяких очков видят самые мелкие буквы на таблице, висящей в кабинете врача-окулиста, однако они равнодушно проходят мимо полотен Петрова-Водкина или Ван-Гога, ничего не видя в картине, кроме сюжета, и ничего не испытывая, кроме холодного раздражения. То, чего они не видят, они, скорее всего, так и не увидят, сколько бы экскурсовод ни объяснял им колорит картины и ее композицию. Когда-то Тютчев говорил о людях, для которых окружающий мир природы нем и мертв:

*Они не видят и не слышат,
Живут в сем мире как впотьмах
Для них и солнцы, зная, не дышат,
Лучи к ним в душу не сходили,
Весна в груди их не цвела,
При них леса не говорили
И ночь в звездах нема была!
И жизни нет в морских волнах*

Не для таких читателей написана эта книга. Она покажется им непонятной, трудной да и ненужной.

Она и в самом деле нелегкая. Но тот, для которого стихи существуют, преодолеет некоторые трудности чтения и, может быть, потом увидит в стихах больше, чем видел до того.

Потому что настоящие стихи многослойны. Их может, воспринять по-разному, с меньшей или большей глубиной; понимания. В сущности, они на это и рассчитаны: каждый получает от поэзии то, что он способен от нее взять. Это зависит от многого: от уровня образованности читателя, от объема его жизненного и душевного опыта, от возраста, наконец, от чуткости и одаренности.

Нельзя сказать: «Это стихотворение я уже прочитал». Стихи можно читать сотни раз, каждый раз открывая их для себя, обнаруживая неведомые прежде глубины смыслов и новую, не замеченную доселе красоту звучаний. Лирический поэт рассказывает о себе, своей любви и своем горе. Но рассказывает он так, что требует от читателя сотворчества. Читатель как бы становится на место поэта и говорит его словами, его ритмами о собственной жизни. Поэт приобщает вас к своему опыту, но его опытом вам не прожить, если у вас нет собственного. Стихи останутся рифмованными строчками — звучными, прекрасными, но все же строчками, то есть словесностью, — если вы не сможете обогатить их своим переживанием.

Нужно пройти через тяжкие испытания, чтобы почувствовать трагическую напряженность гениального стихотворения, написанного в 1825 году двадцатилетним Пушкиным:

*Всё в жертву памяти твоей:
И голос лиры вдохновенной,
И слезы девы воспаленной,
И трепет ревности моей,
И славы блеск, и мрак,
И светлых мыслей красота,
И мщенье, бурная мечта
Ожесточенного страданья.*

Нужна зрелость сердца, чтобы осознать «бездну пространства», как говорил Гоголь о Пушкине и его слове, в сочетании: «трепет ревности». Не муки, не взрыв, не бешенство ревности — все это было бы привычнее и понятнее для всякого, кто читал «Отелло» и «Евгения Онегина»; здесь пронзительное соединение двух слов, которые, казалось бы, совсем не созданы друг для друга. Человечна, беззлобна, грустна такая ревность, больше похожая на преданную нежность, чем на злое, оскорбленно-мстительное чувство, каким кажется ревность вообще, безотносительно к этим стихам Пушкина, напоминающим другие его строки, — они созданы четыре года спустя, в 1829 году:

*Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим*

И здесь ревность тоже ничуть не похожа на озлобленность обманутого собственника — она поставлена в один ряд с робостью, безмолвием, тихой и искренней нежностью безответной любви. «Трепет ревности» — такое же чувство, оно бесконечно ближе к любви, чем к ненависти, которая ведь тоже содержится в переживании, именуемом «ревность».

А какого многообразного душевного опыта требует от читателя стих:

И светлых мыслей красота, —

Где эпитет *светлые* может значить и возвышенные, чистые, благородные, но также прозрачные, ясные, даже глубокие. И это сочетание слов тоже поражает «бездной пространства»: поэт говорит о высокой гармонии отчетливой и благо-родной мысли, о красоте ума, который проникает в сущность бытия. И, наконец, завершающие стихотворение строки:

*И мщенье, бурная мечта
Ожесточенного страданья, -*

Где все слова сопоставлены друг с другом самым неожиданным и удивительным образом: *мечта... Страданья, бурная мечта, ожесточенное страданье...* Стихи эти существуют почти полтора столетия, но в том-то и особенность поэтического искусства, что они, эти сочетания слов, чувств, мыслей, нисколько не кажутся нам привычнее или обыкновеннее оттого, что с тех пор сменилось много поколений, что созданы они в далекий год восстания декабристов, что мы можем помнить их наизусть всю жизнь. Они все равно всегда новы и необычайны, словно на наших глазах Пушкин совершает открытие человеческой души, и мы вместе с Пушкиным открываем и людей вообще, и самих себя. Конечно, мы понимаем их и в пятнадцать лет, но насколько же полнее поймет их человек, который прошел через мучительную любовь и отчаяние ревности. Чем глубже будет опыт читателя, чем содержательнее жизнь его духа, тем полнее он будет ощущать и себя тоже автором этих строк.

К таким стихам мы идем всю нашу жизнь и никогда не исчерпаем их содержания: «бездна пространства» останется бездной.